

Предисловие к русскому изданию

С момента издания моей работы «От Бакунина до Лакана: Антиавторитаризм и дезориентация власти» в 2001 году, а затем и книги «Постанархизм» в 2016 году, постанархизм стал центральным жанром современной анархистской мысли. Несмотря на разнообразие путей и траекторий, которыми он мог развиваться, в целом постанархизм можно определить как переформулирование анархизма через его восприятие постструктуралистской теорией. Постанархизм адаптирует для себя ключевые идеи таких теоретиков как Мишель Фуко, Жак Деррида, Жиль Делез и Феликс Гваттари, психоаналитика Жака Лакана, а также таких представителей пост-хайдеггерианской континентальной традиции как Джорджо Агамбен и Райнер Шюрманн. Поэтому постанархизм – это скорее сокращение от «постструктуралистский анархизм», нежели, как склонны утверждать некоторые его критики, теоретический подход, претендующий на то, чтобы в принципе заменить собой анархизм. Напротив, постструктуралистская теория оказывает сильнейшее влияние на современный анархизм. Бросая серьезный теоретический вызов революционному метанарративу и подвергнув сомнению два основных допущения: о человеческой природе и спонтанном рациональном устройстве применительно к основному анархистскому идеалу – антиавторитаризму, постструктурализм позволил переизобрести анархизм, повысив его актуальность для сегодняшней борьбы. Поэтому постанархизм следует рассматривать не как что-то, что говорит о разрыве с анархизмом, но как то, что является нетрадиционной ветвью анархистской мысли.

Постанархизм включает в себя два основных теоретических направления. В первую очередь это критическая деконструкция некоторых эпистемологических границ того, что я называю классическим анархизмом, то есть анархизма XVIII и XIX веков, связанного с именами Прудона, Годвина, Кропоткина, Бакунина и других. То был анархизм, рожденный оптимизмом просвещенного модернизма, то был анархизм, который верил, что грядущая революция освободит человечество и трансформирует общественные отношения, приведя нас к гармоничным кооперативным формам сосуществования. Тот анархизм верил, что откроется скрытая истина социабельности, давно погребенная под слоями политического и экономического угнетения и идеологического мракобесия, истина, которая обеспечит онтологическую основу и условия возможности возникновения самоуправляющейся общины по ту сторону государственной власти. Центральное место в классическом анархизме занимало то, что я называю манихейской логикой, предполагающей онтологическое разделение между человечеством и властью. С таких позиций власть, воплощенная в государстве и в других социальных институтах, рассматривалась как чужеродная принудительная сила, ограничивающая и искажающая естественные рациональные и моральные способности человека к свободе, развитию и тому, что Кропоткин называл «взаимопомощью» – эволюционно-биологическому инстинкту, который, по его мнению,

всегда потенциально присутствует в человеческом обществе и может стать основой кооперации.

Постанархизм оспаривает эпистемологические предположения, лежащие в основе такого революционного метанарратива. Жан Франсуа Лиотар еще в конце 70-х годов говорил, что мы уже больше не живем в эпоху метанарративов. Трансформация знания в условиях капитализма поздней современности привела к определенной фрагментарности, плюрализму перспектив и невозможности тотализирующей, позитивистской репрезентации общественных отношений – научное знание и общечеловеческие идеалы пережили кризис легитимности[38]. Несмотря на то, что широко известное «состояние постмодерна», диагностированное Лиотаром, все же должно вызывать у нас определенный скептицизм, «недоверие к метанарративам», характеризующее это состояние, подсказывает, что многие онтологические основы анархизма следует пересмотреть: например, позитивистскую идею рациональной истины социальных отношений или естественную человеческую склонность к кооперации или веру в социальную революцию, которая уничтожит властные отношения, искупив человечество. Анархизм больше не мог воспринимать себя как науку об обществе и не мог основывать свои моральные и политические притязания на некоем естественном порядке, который можно выявить путем научного исследования. Конечно, по отношению к авторитету науки не было безусловной однозначности и среди самих анархистов: Малатеста критиковал научный подход Кропоткина к анархизму, кроме того, сам Бакунин предупреждал нас об опасности диктатуры ученых и технократов.

В каком-то смысле анархизм лишь усугубляет автокритику, по сути, уже имманентно присущую анархизму. То есть, на самом деле, постструктурализм можно рассматривать как в некотором роде продолжение антиавторитарного импульса внутри самого анархизма, изменившего направление критики в сторону дискурсивного и эпистемологического авторитета и фиксированных идентичностей. Деррида видел в постструктурализме попытку прервать цепочку замещений, которая с каждым разом заново утверждает власть и определяющую силу центра, будь то Бог, человек, сознание или даже сама структура языка[39]. В таком случае, если что и объединяет все эти различные ответвления мысли под общим именем «постструктурализма» (и если это имя вообще может нам о чем-то говорить), то это отказ от эссенциализма, или от того, что Деррида называл метафизикой присутствия: идея, утверждающая, что либо за игрой означающих и социальных сил, либо же у ее истоков лежат фиксированные, детерминированные и детерминирующие идентичности (такие как Власть, Человек, Истина, Добро).

В свете деконструктивистского подхода мы оказываемся вынуждены задаться вопросом, можем ли мы делать точно такие же допущения, касающиеся вопросов субъективности, какие делали анархисты XIX века. Начиная с Макса Штирнера, утверждавшего, что сущность человека есть идеологическая иллюзия, и заканчивая Фуко, отвергающего существование универсального Субъекта, который мог бы стоять за различными исторически специфическими способами, в которых субъективность формируется властью и дискурсивными режимами истины, единство Субъекта как трансисторической сущности подвергалось сомнению. Одно из самых важных положений, которые мы можем заимствовать у Фуко и других постструктуралистских мыслителей, говорит о том, что никакого онтологического разделения между субъектом и внешними социальными силами,

в том числе и властью, быть не может: субъект, который сопротивляется власти, в то же время частично из нее состоит.

К этому следует добавить вопрос о том, существует ли сегодня привилегированная революционная идентичность, и действительно ли радикальная политика должна и может основываться на идентичности. Анархисты XIX века в целом имели гораздо более разнородное представление об агенте революции, чем марксисты, которые выражали его в понятии пролетариата, так как первые также относили к нему крестьян, ремесленников и люмпенпролетариат. Однако в поздней современности революционный субъект еще более непрозрачен – мы больше не можем верить в идею всеобщей революции рабочего класса против капитализма. С другой стороны, было бы неверно искать альтернативу в политике признания определенных маргинальных идентичностей, и даже в так называемой политике «интерсекциональности». Постструктурализм, на мой взгляд, ошибочно ассоциируется с политикой идентичности, которая на самом деле представляет собой не более чем форму либеральной или неолиберальной биополитики, занятой далеко не тем, чтобы бросать вызов структурам господства. Напротив, и об этом я еще расскажу подробнее, постструктурализм – это отказ от политики любой идентичности, и о нем следует думать скорее в терминах политики сингулярности и становления. Как однажды выразился Фуко: «...возможно, сегодня наша цель состоит не в том, чтобы узнать, кто мы такие, а в том, чтобы отказаться от того, кто мы есть»[40].

Вторая область исследований – это природа и функционирование самой власти. Революционная теория вынуждена считаться с тем, что в период поздней современности работа власти радикально изменилась. Отношения власти больше нельзя рассматривать как централизованные и локализованные внутри государства, более того, мы не можем смотреть на власть как на функционирующую только посредством законов, запретов и репрессий. Переход от старой суверенной парадигмы закона, ограничений и насилия к современной дисциплинарной и биополитической парадигме был подробно описан Фуко и Делезом. Дело не только в том, что отношения власти коэкстенсивны обществу и рассеяны в повседневных отношениях, социальных институтах и практиках, но и в том, что власть должна рассматриваться с точки зрения ее производительной позитивности. Опровергая «репрессивную гипотезу», модель, в значительной степени сформированную психоаналитической теорией Райха, в которой власть рассматривается как репрессивная сила, ограничивающая и сдерживающая наши истинные желания, Фуко утверждал, что власть «производит и поощряет». Она производит желания, аффекты, знание, саму по себе субъективность, а также свободу и сопротивление.

Более того, постструктурализм ставит под сомнение саму идею революции, если под революцией мы понимаем тотальную трансформацию социальных, политических и экономических отношений и полное освобождение от власти. Где и как из концентрации властных отношений может зародиться революция, и чего она может добиться – это вопрос, который мы должны задать себе сегодня. Возможно, с нашей стороны намного продуктивнее будет размышлять о локальных формах сопротивления и практиках свободы, чем о великом революционном событии. Даже если эти локализованные формы могут соединяться друг с другом для осуществления изменений на более широком социальном уровне, идея освобожденного общества, которое может возникнуть по ту сторону власти,

представляет собой утопическую фантазию. Власть коэкстенсивна социуму, и потому в любом послереволюционном обществе всегда будут существовать властные отношения. Следовательно, лучше думать не об освобождении, а о продолжающихся практиках свободы, которые будут поддерживать своего рода агонистическое отношение к власти. В действительности свобода не может рассматриваться как нечто онтологически отличное от власти, она может мыслиться лишь в своем отношении к власти и как существующая в качестве части «игры», разыгрываемой на поле властных отношений.

Таким образом, мы видим, что, сталкиваясь с постструктуралистской теорией, анархизм сталкивается и с определенными проблемами, в частности, относительно эпистемологических и онтологических границ, в которых анархистская теория изначально была сформулирована. Однако, вопреки утверждениям некоторых критиков, анархизм отнюдь не отменяется постструктурализмом. Напротив, он позволяет нам задуматься о том, что может значить анархизм, как политически, так и этически, вне онтологических определенностей и вне моральных и рациональных оснований, на которые он когда-то опирался. Поэтому второе направление, имеющее центральное значение для постанархизма, можно обозначить как «реконструктивистское», то есть представляющее собой интерпретацию постанархизма в качестве позитивной политической и этической стратегии или серии стратегий, которые могут служить информативным источником для современных практик сопротивления и радикальных движений.

Мы вынуждены признать, что горизонт радикальной политики сегодня стал гораздо более нечетким, и что, несмотря на впечатляющие формы политических экспериментов, какие в последнее время мы могли наблюдать на примере движения «Оссуру», черпавшего вдохновение, по большей части, в анархизме, – они не смогли создать ни одной жизнеспособной устойчивой альтернативы. Тем не менее, в ответ на посягательства неолиберального рационализма (а с недавних пор и правого крыла авторитарных популистских правительств) на все формы социальной жизни, как, впрочем, и на окружающую среду, произошло определенное возрождение политической жизни в обновленных формах борьбы: против разрушительных воздействий на природу, против полицейского насилия, против расовой несправедливости и экономического неравенства. Но проявилось это и в более реактивных формах, какие мы можем наблюдать на примере возрождения крайних видов фундаментализма и авторитарного националистического популизма. Безусловно, для радикальной политики это опасное и неопределенное время. Как писал Жиль Делез: «Мир с его государствами являются хозяевами своей плоскости не больше, чем революционеры, обреченные на деформацию своей. Все играют в игры неопределенности»[41].

В своей недавней работе о постанархизме я обозначил ряд ключевых политических и этических координат для размышлений о новых режимах радикальной политической деятельности.

Не-власть

Постанархистская политика всегда исходит из того, что никакие отношения власти не могут выдаваться за естественные или приниматься как должное, что власть никогда не является автоматически легитимной, и что, напротив, она всегда условна, неопределенна и потому всегда подлежит оспариванию. Это обезоруживает любые притязания на универсальное право, истину или на неотвратимость. Как утверждает Фуко, описывая свой «анархеологический» подход: «...универсального, непосредственного и очевидного права, которое могло бы везде и всегда поддерживать любые отношения власти, не существует»[42]. Это не равно заявлению о том, что любая власть плоха, но, скорее, значит, что никакая форма власти не является автоматически приемлемой. Такая этико-политическая позиция присуща большинству форм анархизма. Различие может выражаться в том, что для одних такая неприемлемость власти является отправной точкой, тогда как для других это – конечная цель. Другими словами, возможно, сегодня нам следует думать об анархизме не столько как о конкретном проекте, детерминированном определенной конечной целью (полностью освобожденным, не-отчужденным обществом без властных отношений), сколько как об открытом и непредвиденном предприятии, для которого неприятие власти является отправной точкой. Вероятно, мы можем понимать анархизм как то, что начинается, но не (обязательно) заканчивается анархией.

Речь идет об идее анархистской политики, не определяемой фиксированными устремлениями, рациональным телосом или универсальными нормативными критериями, но основанной на определенной непредвиденности и открытости, на свободе мысли и действия. Это значит, что она не имеет конкретных идеологических контуров, может принимать различные формы и следовать разным направлениям действий. Она может сопротивляться и оспаривать конкретные отношения власти в локальных точках интенсивности на основании их нелегитимности и насильственности, может работать против определенных институций и институциональных практик через создание альтернативных практик и форм организации. Другими словами, принимая за отправную точку анархию или не-власть, пост анархизм как форма автономного мышления и действия может работать сразу на нескольких фронтах, в самых разных условиях, переворачивая и прерывая существующие отношения господства.

Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать анархизм как отдельный проект, сегодня продуктивнее видеть в нем особый способ мысли и действия, посредством которых отношения господства во всей их специфичности ставятся под сомнение, критикуются и, где это возможно, переворачиваются. Центральной для анархизма является идея автономного мышления и действия, которые трансформируют современные социальные пространства в нынешнем понимании, но в то же время являются условными и не определенными в том смысле, что не определяются заранее заданными целями и логикой. Это не означает, что анархизм не должен обладать собственными этическими принципами. Это лишь значит, что анархизм не должен, а может, уже и не может воспринимать себя как конкретную революционную программу или политическую организацию.

Добровольное неподчинение

Центральное место в постанархизме занимает этическая и политическая проблема, которую Этьен де Ла Боэси когда-то определил как *servitude volontaire* или «добровольное рабство» – феномен добровольного подчинения тиранической власти. К такому подчинению не принуждают, но оно осуществляется добровольно – и именно это было для Ла Боэси в XVI веке, и до сих пор остается для нас сегодня, центральной загадкой политики и одним из величайших препятствий для любого рода радикальных действий. Мы живем в довольно странное время, когда упадок традиционных структур власти и рост ее невидимости сопровождаются увеличивающимся уровнем конформности, послушания и подчинения. И тем не менее, главное, что мы можем почерпнуть из проблематики добровольного рабства, это понимание того, что власть, даже тираническая, не имеет своей собственной непрерывности и стабильности, представляя собой нечто, что полностью зависит и на самом деле сконструировано нашим подчинением ей. Власти не существовало бы, если бы мы не сделали выбор подчиниться ей, если бы мы сами не отказались от собственного господства над собой и не передали бы себя в руки власти. Если выразиться совсем радикально, власть – это иллюзия, созданная нашим собственным с ней отождествлением, самой по себе власти не существует. Это значит, что как установление власти, так и ее упразднение являются вопросами воли и свободно принятого решения. Мы преодолеваем власть не путем уничтожения ее как таковой, а через простой отказ признавать ее и подчиняться. То есть, когда мы отворачиваемся от нее, иллюзия власти, по рефлексу воспроизводящаяся нашим собственным повиновением, рассеивается.

Принадлежность себе

Добровольное рабство открывает нам глаза на истину, о которой мы все забыли: мы уже свободны, нам надо только это осознать. Мыслители, от Ла Боэси до Арендт, обосновывали, что всегда, при любой ситуации, люди обладают властью, стоит только им принять решение действовать соответствующе. В таком случае мы можем мыслить свободу не как цель, которая должна быть достигнута, а как онтологическое основание, из которого мы можем действовать. Постанархистская теория интерпретирует свободу как мышление и действие таким образом, как если бы власти не существовало. Именно так понимал свободу – вернее, то, что он называл «принадлежностью себе», Штирнер[43]. Уже в XIX веке Штирнер пришел к пониманию того, что общепринятые понятия свободы и освобождения полностью себя исчерпали, что они были всего лишь идеалистическими иллюзиями, в реальности ничего не значащими и лишь приводящими людей к отчуждению в руках внешних общественных отношений и институтов. Сегодня свобода кажется еще более неоднозначной и неясной идеей после того, как искаженная неолиберализмом, она стала именно тем порогом, исходя из которого нами управляют в соответствии с рыночной рациональностью. Таким образом, штирнеровское понятие «принадлежности себе» должно восприниматься нами как приглашение помыслить свободу по-другому: увидеть в ней не идеал, к которому следует стремиться, но своего рода онтологическую реальность, необходимую предпосылку отдельного индивида. Принадлежность себе соотносится с понятием самообладания, с этической чувствительностью к нашей зависимости от власти, с искушением самоотречения и с опасностями «одержимости», а также с анархическим самоконструированием, воплощенном в штирнеровском понятии «я», которое представляет

собой открытое пространство потока и становления, а не какую-то фиксированную сущностную идентичность.

Восстание

Нам необходимо начать думать о политическом действии по-новому, и это именно то, что подводит нас к центральному понятию постанархизма – восстанию. Исходя из ряда тезисов, изложенных мною выше, восстание следует рассматривать не столько как протест против внешнего мира власти (хотя это может быть его следствием), сколько как некую этическую форму самопреобразования, протест против фиксированных идентичностей, способов действия и форм жизни, которые власть навязывает нам или которые мы сами добровольно усваиваем. И здесь я снова вынужден отдать должное Штирнеру с его идеей «*Empörung*» (восстания): если революция работает на преобразование внешних социальных и политических условий и институтов, то восстание направлено на собственное самопреобразование. Участвовать в восстании значит поместить себя над внешними условиями и ограничениями – после этого ограничения отпадут сами собой. Восстание начинается с самоутверждения, и политические последствия вытекают уже из этого. Восстание, в отличие от революции – радикально анти-институционально, не обязательно в смысле стремления избавиться от всех институций, так как это просто приведет к другим типам институций, а скорее в смысле утверждения нашей власти над ними и, более того, нашего безразличия по отношению к ним. Как если бы мы могли сказать: «Власть существует, но это меня не заботит, я отказываюсь позволять ей ограничивать меня или оказывать на меня какое-либо влияние, я отказываюсь от властвования власти над мной». Такое понятие восстания коренным образом отличается от большинства представлений о радикальном политическом действии. Оно отвергает идею всеобъемлющего проекта эмансипации или социальной трансформации. Свобода – не конечная цель восстания, а его отправная точка. Штирнеровское понятие «восстания» служит для нас предупреждением о том, насколько, через самоотречение, мы связаны с системами власти, которые мы считаем доминирующими. Вероятно, нам следует понимать власть не как субстанцию или вещь, а как отношения, которые мы своими действиями и отношениями с другими людьми каждый день формируем и обновляем. Как выразился анархист Густав Ландауэр (2010): «Государство – это социальные взаимоотношения; определенный способ отношения людей друг к другу. Оно может быть разрушено путем создания новых социальных отношений, т. е. людьми, по-другому относящимися друг к другу»[44]. Опять же, акцент здесь делается не столько на революционном захвате или разрушении внешней системы власти, сколько на микрополитической трансформации себя и своего отношения к другим и на создании альтернативных, более автономных отношений, результатом которых является крах государственной власти.

Онтологическая анархия

Многие идеи и темы, которые я излагаю в этой книге, отражают состояние, которое можно определить как онтологическую анархию. Хайдеггерианец Райнер Шюрманн определяет

анархию как упадок эпохальных принципов, определявших метафизическое мышление:

“ «Анархия, о которой здесь идет речь, – это имя истории, воздействующей на само основание действия, истории, чей фундамент проседает и становится очевидно, что принцип целостности как в авторитарном, так и в рациональном значениях – это не более, чем пустое место, не обладающее ни законодательной, ни нормативной властью»[45].

Согласно Шюрманну это представляет собой опыт свободы, ведь это то, что освобождает действие от его телоса, от фиксированных нормативных рамок, от диктата целей, которые до сих пор стремились его определить. Чтобы действие стало анархическим, оно должно лишиться оснований и предопределенных целей.

И все же последствия онтологической анархии для анархизма и для радикальной политики в целом остаются чем-то не вполне однозначным. С одной стороны, анархизм просто обязан включить в себя этот опыт анархии и больше никогда уже не возвращаться к тем незыблемым онтологическим основаниям, которые сформировали базис классического анархизма. Постанархизм – это анархистская политика и этика, воплощающие непредвиденную открытость настоящего момента. Опыт современной жизни говорит о том, что тектонические плиты нашей эпохи сдвигаются, что знакомые и некогда гегемонистические институты и принципы: как экономические, так и политические, – кажутся нам все более пустыми и безжизненными, что великая тайна несуществования власти обнажается перед нами. Никогда еще политическая и финансовая власть не обнаруживала себя в настолько уязвимом положении, никогда «истеблишмент» не находился под большей угрозой, никогда он еще не пользовался большим презрением, чем сейчас, когда полностью утратил собственную легитимность. Все это открывает возможности для новых, более автономных форм политического действия, коммуникации, экономического обмена и бытия вместе. С другой стороны, наше общее ощущение того, что мир все больше смещается, что он слетает со своих петель, сталкивает нас лицом к лицу с беспрецедентно серьезными опасностями: пустым нигилизмом капиталистической машины и появлением апокалипсических и фашистских форм политики, которые, очевидно, намерены ускорить грядущий беспорядок. Состояние онтологической анархии всегда сопровождается искушением восстановить принцип власти, заполнить пустое место, оставленное ею, новым ужасающим разрастанием власти. Мы начинаем осознавать, что сама власть становится опасно анархичной, что, лишенная всякого рода последовательной легитимации, она начинает биться в припадках, ведь пустота, лежащая в ее основе, оказывается разоблачена. Функционирование государственной и правительственной власти становится все более нигилистическим, то есть оно становится просто слепой и случайной работой власти, которая стремится лишь управлять кризисами (безопасности, экономики, экологии, здравоохранения и т. д.) с растущим уровнем некомпетентности и неэффективности.

В ответ на такой всплеск слепого нигилизма анархизм сегодня должен утверждать своего рода этическую заботу о том, что уже существует, например, о мире природы, столкнувшемся с экологическим крахом, так же как он должен культивировать и

утверждать новые формы жизни, общности и автономии, которые уже становятся возможными благодаря открывающейся перед нами онтологической трещине.

Версия #1

Зверобой создал 8 июня 2025 12:12:58

Зверобой обновил 8 июня 2025 12:14:05